

ИЗ ИСТОРИИ ПРОМЫШЛЕННОГО ПЕРЕВОРОТА В ЭСТОНИИ

Л. А. Лооне

При изучении генезиса капитализма одной из важных задач историка является выяснение времени и условий перехода от мануфактурного способа промышленного производства к фабричному. Как отмечал В. И. Ленин, «именно переход от мануфактуры к фабрике имеет особенно важное значение в вопросе о развитии капитализма»¹. К. Маркс также указывал на глубокие революционные последствия промышленного переворота.

Несмотря на важность вопроса, промышленный переворот в России ещё недостаточно изучен. Этой теме посвящено небольшое исследование С. Г. Струмилина². Изучая главным образом развитие хлопчатобумажной промышленности, автор приходит к выводу, что решающие сдвиги в процессе превращения русской мануфактуры в фабрику произошли в 1830—1860 годах. В исследовании указывается на особенности развития России, где ещё в XIX в. крепостной строй задерживал рост капиталистической промышленности, и отмечается, что победа крупной машинной индустрии, несомненно, ускорила разложение и ликвидацию феодально-крепостнического строя. На основании новейших исследований можно сказать, что завершение промышленного переворота в России в целом произошло уже в пореформенное время. Эти выводы приняты большей частью историков.

Б. Яковлев в своей дискуссионной статье «Возникновение и этапы развития капиталистического уклада в России» высказал несколько иное мнение, а именно — что промышленный переворот в России произошёл уже в первой четверти XIX века³. Б. Яковлев отмечает, что хотя в тот период удельный вес фабрик был ещё невелик, нужно считать, что не количество применяемых машин и паровых двигателей является показателем переворота, а качественные сдвиги в экономической и социальной структуре предприятия. Аргументация автора для подтверждения этого тезиса всё же пока недостаточна. Конечно, не может быть признано решающим аргументом, подтверждающим окончание промышленного переворота, изменение (даже не упразднение) устава помещичьих мануфактур.

Для окончательного выяснения вопросов, связанных с промышленным переворотом, нужно изучить большее количество конкретного фактического материала, не ограничиваясь данными одной хлопчатобумажной промышленности; надо установить, когда именно и в каких условиях происходил переход от мануфактуры к фабрике во всех отраслях производства, как он протекал в различных частях государства.

В настоящей статье делается попытка проследить процесс превращения мануфактуры в фабрику на одной из окраин Российской империи, на территории нынешней Эстонской ССР, охватывающей бывшую Эстляндскую и северную часть Лифляндской губернии. При этом подробнее освещена техническая сторона промышленного переворота, так как объём статьи не позволяет детальнее рассмотреть все происшедшие социальные перемены.

История возникновения и развития капиталистической промышленности Эстонии почти совсем не изучена. До сих пор не имелось достоверных сведений о времени и обстоятельствах возникновения первых мануфактур и фабрик. Даже о существовании многих, сравнительно больших предприятий не было известно. Совсем ещё не поднимались

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. 3, стр. 397.

² См. С. Струмилин. Промышленный переворот в России. Огиз. 1944.

³ См. Б. Яковлев. Возникновение и этапы развития капиталистического уклада в России. «Вопросы истории» № 9 за 1950 г., стр. 103.

вопросы о соотношении между крепостным и вольным трудом, о появлении машинной техники, об источниках капиталов. Совершенно замалчивалось влияние экономических связей с общерусским рынком на развитие промышленности в Эстонии XVIII — начала XIX века.

Такое пренебрежение к истории развития капиталистической промышленности Прибалтики в буржуазной историографии не случайно. Немецкая историография фальсифицировала историю⁴. В общих курсах истории Эстонии, принадлежащих немецким дворянским и буржуазным историкам, промышленности XVIII—XIX вв. уделялось, в лучшем случае, несколько бессодержательных строк, а специальных исследований на эту тему почти не существовало. Несколько точнее с фактической стороны изложена история стекольных предприятий вблизи Пылтсамаа, принадлежавших впоследствии семейству Амелунга⁵. Единственная специальная работа, посвященная возникновению и развитию мануфактурной и фабричной промышленности в XVIII и XIX вв., принадлежит И. М. Фриденгаль⁶. Её статья претендует на научность, но является беспомощной компиляцией. Автор пересказывает случайные сведения о некоторых мануфактурах и фабриках Эстонии XVIII—XIX веков.

Эстонские буржуазные историки также не занимались изучением истории капиталистической промышленности. Буржуазное правительство превратило страну в аграрный придаток империалистических стран. Эстонская буржуазия в годы своего господства пыталась отравить сознание народа «теорией» о том, что в Эстонии никогда не существовало сколько-нибудь заметной капиталистической промышленности, не было суровой эксплуатации, следовательно, не было и нет надобности в классовой борьбе, которая представляет-де собой искусственное явление. Поэтому существование крупной промышленности в прошлом замалчивалось.

Так, буржуазный националист Х. Круус в своём курсе истории Эстонии новейшего времени⁷ уделил развитию капиталистической промышленности в конце XVIII и в первой половине XIX в. только пятнадцать строк и утверждал, что предприятий с числом рабочих, превышавшим несколько десятков человек, в Эстонии в то время не существовало. Изложение истории промышленности Эстонии второй половины XIX в. у Крууса сводится только к перечислению некоторых фабрик. Он совершенно замалчивает классовую борьбу пролетариата, ни словом не упоминает даже о таких крупных событиях, как кренгольмские стачки. Рассматривая историю Эстонии вне связи с историей России, Круус не говорит ни о роли русского капитала в основании здешних крупных фабрик, ни о значении общерусского рынка для развития промышленности Прибалтики.

Авторы истории народного хозяйства Эстонии⁸ волей-неволей уделили вопросам развития капиталистической промышленности несколько больше внимания, но конкретный материал, приводимый ими, также весьма скуден. Авторы выдвигают «теорию», что Эстония развивалась по каким-то иным законам, чем Россия, и что в Эстонии вообще не было предпосылок для развития капиталистической промышленности, которая насаждалась-де искусственно.

Содержательные статьи о двух таллинских мануфактурах принадлежат Р. Кенкману, описывающему по материалам таллинского городского архива основание и развитие сахарной рафинарии Клеменца и писчебумажной фабрики Доната⁹. Промышленность Эстонии рассматривается в его статьях как составная часть общерусской. Но статьи эти написаны с позиции буржуазного экономизма. Вопросы о рабочей силе автор не касается. Некоторые данные об отдельных предприятиях можно найти в журнальных и газетных заметках, энциклопедиях, некрологах фабрикантов, семейных хрониках, географических описаниях страны и пр.

⁴ См. Я. Зутис. Очерки по историографии Латвии. Ч. 1, стр. 5 и др. Рига. 1949.

⁵ См. Fr. Amelung. Studien zur Geschichte Oberpohlens und seiner industriellen Blüthezeit. Dorpat. 1892; Fr. Amelung. Familiennachrichten. Dorpat. 1887—1894.

⁶ См. J. Friedenthal. Die Entwicklung der Industrie in Estland. Beiträge zur Kunde Estlands. Bd. XIV, 2, S. 49. 1928.

⁷ См. H. Kruus. Eesti ajalugu kõige uuemal ajal. I Tartu. 1927.

⁸ См. H. Sepp, O. Liiv, J. Vasar. Eesti majandusajalugu. I. Tartu. 1937.

⁹ См. R. Kenkman. Suhkrutööstusest Tallinnas mõõdunud sajandil. Linnad ja alevid № 7—8. 1933; R. Kenkman. Paberitööstuse tekkimisest Tallinnas. I. Ik. 41—48. Vana Tallinn. 1936.

Этим, собственно, и ограничивается литература по данному вопросу¹⁰.

Таким образом, при изучении возникновения и развития капиталистической промышленности нужно основываться почти исключительно на неопубликованных архивных материалах, в первую очередь — на фондах Эстляндского и Лифляндского губернского правления и на архиве Рижского мануфактурного комитета. Отчасти привлечены и центральные архивы — Министерства финансов и Министерства внутренних дел.

Методологические указания для изучения генезиса капитализма даны классиками марксизма-ленинизма. В. И. Ленин разрешил проблему возникновения и развития капиталистической промышленности в России. Труд В. И. Ленина охватывает пореформенный период, но ленинскими указаниями и выводами должен руководствоваться каждый исследователь и промышленности дореформенной.

Мануфактурная промышленность в Эстонии возникла во второй половине XVIII века, когда по всей России замечается усиленное строительство промышленных предприятий. «В развитии капиталистических форм промышленности мануфактура имеет важное значение, будучи промежуточным звеном между ремеслом и мелким товарным производством с примитивными формами капитала и между крупной машинной индустрией (фабрикой)»¹¹. До этого основным способом промышленного производства являлась работа крестьян-кустарей в деревне и цеховых ремесленников в городах. Крепостные крестьяне изготовляли разные изделия для помещичьей и своей потребности; излишек этих изделий помещики сбывали на рынок. Так, в западной части Эстонии было распространено изготовление простой шерстяной материи, которую продавали не только на местных рынках, но посылали также во внутренние губернии России. В ещё больших размерах торговали изделиями из льна. Помещики заставляли крепостных ткать полотно, из которого делали рубахи, простыни, платки, и (в меньшей мере) изготовлять также материю для платья¹².

В городах ремесленники были организованы в цехи. В конце XVIII в. цехи находились в полном упадке. Цехи строго следили за тем, чтобы ремеслом не занимался никто, кроме членов организации. Специализация и регламентация ремесла были весьма мелочны, эксплуатация учеников и подмастерьев — необычайно сурова.

Конец XVIII в. был временем быстрого развития товарно-денежных отношений в сельском хозяйстве Эстонии. Присоединение Прибалтики к России создало возможность усиленной торговли зерном и вином, и в конце века помещичьи хозяйства были уже тесно связаны с рынком¹³. Производство на рынок расшатывало экономический уклад крепостного хозяйства. «Производство хлеба помещиками на продажу, особенно развившееся в последнее время существования крепостного права, было уже предвестником распада старого режима»¹⁴, — указывает В. И. Ленин. В конце XVIII в. наблюдался острый кризис феодального способа производства в сельском хозяйстве Эстонии.

С развитием товарности сельского хозяйства возрастала потребность в деньгах, которую помещики обычно старались удовлетворить посредством повышения крестьянских повинностей. В поисках новых доходов помещики начали примерно с 60-х годов основывать промышленные предприятия, на которых обрабатывалось местное сырьё, а работали обычно в порядке барщины крепостные крестьяне под руководством иностранных мастеров. Так создавались мануфактуры в деревне, в условиях крепостного хозяйства, на базе подневольного труда крепостных. Этот процесс сходен с образованием и развитием помещичьих мануфактур по всей России.

¹⁰ В 1951 г. в газете «Ноорге Хяяль» появилась статья Р. Рентера, в которой затронуты вопросы возникновения крупной промышленности Эстонии. О зачатках капиталистической мануфактуры в Латвии имеется материал в содержательной брошюре J. Jenšs. Kapitalistiskā manufaktūra Vidzemē XVIII gadsimta beigās un XIX gadsimta sākumā. Rīga. 1951.

¹¹ В. И. Ленин. Соч. Т. 3, стр. 336.

¹² Центральный государственный исторический архив ЭССР в Тарту (ЦИИАТ), ф. 30. 1796—1801 г., д. 22-А-2, стр. 50—52.

¹³ См. Я. Зугис. Остзейский вопрос в XVIII веке, стр. 323—325. Рига. 1946.

¹⁴ В. И. Ленин. Соч. Т. 3, стр. 158.

Мануфактуры возникали и в городах. Возникновение мануфактур при наличии развитой цеховой организации ремесла характеризовали Маркс и Энгельс. При этом, как указывал К. Маркс, «мануфактура возникла не в недрах старинных цехов. Главной новейшей мастерской сделался купец, а не старый цеховой мастер»¹⁵. Оживлённая торговля зерном и вином вызвала во второй половине XVIII в. известное накопление капиталов, которые искали себе применения не только в торговле, но и в промышленности. Но возможность развития внецехового ремесла в городах Эстонии была очень ограничена. Этому препятствовали существовавшие средневековые порядки: привилегии малочисленной господствующей верхушки горожан, строгая цеховая организация ремесла, замкнутость всей провинции, изолированной от хозяйственной жизни государства, которую местные феодалы-землевладельцы и городская верхушка всячески старались сохранить¹⁶. Законодательная деятельность русского правительства во второй половине XVIII в. всколыхнула остзейские города. Правительственные мероприятия увеличили число горожан, которым предоставлялось право заниматься торговлей и промышленностью, и устранили таможенную границу, существовавшую до того между Прибалтикой и Центральной Россией¹⁷. Одним из новых явлений, наблюдаемых теперь в городах Эстонии, было основание мануфактур и мелких, внецеховых промышленных предприятий.

Виднейшей отраслью нового мануфактурного производства в Эстонии стало стекольное производство, для которого имелось местное сырьё — песок и топливо. Первыми крупными стекольными предприятиями были основанные в 1750—1782 гг. майором Лауд в Пылтсамаа стекольная, зеркальная и фарфоровая мануфактуры. Здесь работали преимущественно мастера-иностранцы. Предприятия всё же просуществовали недолго. Владелец впал в долги, и после его смерти в 1785 г. мануфактура его закрылась¹⁸.

В Таллине возникла фаянсовая мануфактура К. Фика, которая существовала примерно с 1780 по 1792 год. Здесь изготовлялись разная посуда, вазы, украшения и пр. В Северной Эстонии в 1780 г. были основаны местными помещиками бутылочная мануфактура в Лехксе и в 1788 г. стекольная — в Нурмси. При этих мануфактурах обычно изготовляли и поташ. Большая часть рабочих на стекольных предприятиях состояла из вольнонаёмных мастеров-иностранцев. Крепостные же использовались для подсобных работ¹⁹. Несколько мелких и недолговечных стекольных предприятий существовало в XVIII в. и на юге Эстонии.

Текстильная мануфактурная промышленность зародилась в Эстонии в виде набоечной и красильной. Так называемые «ситцевые фабрики» занимались только окраской и расцветкой разных бумажных тканей — миткаля, ситца и пр. Довольно распространено было изготовление и расцветка головных платков. Самой крупной мануфактурой было предприятие купца Хр. Фрезе и К^о в Таллине, существовавшее в 1793—1799 годах. Это было сравнительно большое заведение, с числом рабочих (вольнонаёмных) от 112 до 148. В 1797 г. здесь было набито разных сортов ситца и материала для головных платков на сумму 154 424 рубля. Товар продавали в Таллине, Петербурге и внутренних губерниях России²⁰. В Таллине же существовало ещё второе подобное предприятие, где, кроме набивки ситца, окрашивали шерстяные и холщёвые материи и пряжу. Маленькая красильная и набоечная мануфактура в пригороде Пярну, принадлежавшая купцу Ф. Флери и К^о, впервые в Эстонии занялась ситцевкачеством. Здесь ткали на шести станках бумажные платки и ленты²¹.

¹⁵ К. Маркс. Нишета философии. Цитировано по В. И. Ленину. Соч. Т. 3, стр. 336.

¹⁶ См. Я. Зутис. Остзейский вопрос, стр. 591—592.

¹⁷ См. А. Семёнов. Изучение исторических оведений о российской торговле и промышленности. Т. 1, стр. 14, 17, 86. СПб. 1859; Я. Зутис. Остзейский вопрос, стр. 592—594.

¹⁸ См. Fr. Amelung. Studien zur Geschichte Oberpohlens und seiner industriellen Blüthezeit. Dorpat. 1892.

¹⁹ ЦГИАТ, ф. 30, 1796—1801 г., д. 22-А-1, лл. 7—8; д. 22-А-2, лл. 20—23, 29—30.

²⁰ Там же, д. 22-А-1, 22-А-2 — отчёты по предприятию Фрезе и К^о. Центральный Государственный исторический архив в Ленинграде (ЦГИАЛ), ф. 34, 1797 г., д. 157, стр. 2—4; Г. Любомиров. Очерки по истории русской промышленности, стр. 622. Огиз. 1947. Замечание Любомирова о том, что на предприятии Фрезе занимались бумаготкачеством, не подтверждается ежегодными отчётами, из которых ясно, что здесь производилась только набивка тканей.

²¹ ЦГИАЛ, ф. 17, 1796 г., оп. 1, д. 155, стр. 16 — 17.

Старейшей из мануфактур Эстонии была Ряпинская писчебумажная, основанная, вероятно, в 1734 г. и принадлежавшая местному помещику Левенвольде²². Рабочими здесь были русские крепостные крестьяне, купленные владельцем специально для мануфактуры (по некоторым данным, в Московской губернии). Вторая маленькая писчебумажная мануфактура была основана в 1764 г. в деревне Суло. Кроме названных, в Эстонии существовало ещё несколько кожевенных, крахмальных и в Нарве одно — два канатных предприятия. В Пярну была в 1780 г. основана корабельная верфь Гардера, на которой строились купеческие суда и имелось около 100 работников.

Большая часть городских мануфактур, возникших в Эстонии в последней четверти XVIII в., принадлежала купцам и использовала вольнонаёмную рабочую силу. В деревне же на помещичьих мануфактурах заставляли работать крепостных крестьян. Продукция этих предприятий была незначительна, число рабочих — ничтожно. На всех мануфактурных предприятиях Эстонии в конце XVIII в. работало не более 250—350 человек. Обычно эти первые мануфактуры (особенно городские) были недолговечны: недостаток капиталов, скованный натуральным хозяйством внутренний рынок, суровые формы крепостничества, удерживавшие всё крестьянское население в деревне и препятствовавшие росту и развитию городов, а также господство цехового строя в городах не способствовали дальнейшему развитию мануфактурной промышленности. Всё же самое возникновение этих первых, малочисленных мануфактур, которое по времени совпадает с началом кризиса крепостничества, является показателем того, что в феодальный мир цехового ремесла и кустарничества крепостных крестьян проник новый способ промышленного производства.

Мануфактура продолжала развиваться в первой четверти XIX века. Это время характеризуется дальнейшим углублением кризиса феодального способа производства. В Прибалтике кризис ощущался особенно остро. Так как здешние помещичьи хозяйства были тесно связаны с рынком и производили хлеб, в первую очередь для продажи, то колебания и падение цен на хлеб и вино в первой четверти века вызывали большие экономические трудности. Многие помещики разорялись. Так, если в 1801—1810 гг. в Лифляндии было продано с аукциона 28 мыз, то в 1811—1820 гг. — уже 51, а в 1821—1825 гг. — ещё 53 мызы. Только неоднократная финансовая помощь правительства помогла многим помещикам избежать полного банкротства.

Увеличить доходность имений при существовавшей барщинной системе ведения хозяйства было почти невозможно. Попытки введения новых культур и новых сельскохозяйственных орудий с целью повысить производительность труда, которые предпринимались с конца XVIII в., были unsuccessfulны, повышение же повинностей встречало ожесточённое сопротивление крестьян. С конца XVIII в. тянется почти непрерывная цепь крестьянских восстаний и волнений, которые зачастую принимали весьма серьёзный характер (в 1802, 1803 гг. — в Лифляндии, в 1805 г. — в Эстляндии). Крестьяне вступали в борьбу с воинскими частями, посланными для их «усмирения». В напряжённой внешнеполитической обстановке начала XIX в. такое положение на западной границе государства было более чем неприятно правительству Александра I. Опасаясь восстаний, правительство потребовало от помещиков некоторых уступок в пользу крестьян. Но проводимые баронскими ландтагами новые положения (1802, 1804, 1809 гг.) только узаконили существовавшие порядки. Крестьянские волнения продолжались. Под давлением этих обстоятельств правительство было вынуждено пойти на более существенные уступки и освободить крестьян от крепостной зависимости. Соответствующие законы были утверждены для Эстляндии в 1816 г., для Лифляндии в 1819 году. Самый процесс «освобождения» начался только в 1821 г. и закончился к 30-м годам.

Острый экономический кризис, углублённый событиями военного времени, классовая борьба крестьян, колебания правительства между «реформами» и жестоким подавлением крестьянских восстаний — всё это, несомненно, является выражением кризиса крепостничества в Прибалтике в начале XIX века.

В такой обстановке происходило дальнейшее развитие капиталистического способа производства в промышленности. В первой четверти XIX в. наблюдается, что предприятия, основанные на эксплуатации крепостного труда, исчезали или приходили в упадок, и преобладающей формой крупной промышленности стала капита-

²² Там же.

листическая мануфактура. Наряду с капиталистической мануфактурой росло внецеховое, капиталистическое мелкое товарное производство.

Ведущей отраслью промышленности в то время была попрежнему стекольная, представленная восемью предприятиями. Крупнейшей из них была зеркальная мануфактура в Выйзику (в Южной Эстонии, недалеко от озера Виртсъярв), основанная в 1792 году. Первоначальный капитал — 26 тыс. руб. — принадлежал группе петербургских и рижских купцов, которые приобрели прежнее предприятие майора Лаув и расширили его.

В 1806 г. его приобрёл за 60 тыс. руб. в единоличное владение петербургский купец К. Ф. Амелунг. Предприятие состояло из плавильни («Лизетта») и шлифовочной и полировочной («Катарина»). Оно занимало шесть больших строений, несколько меньших подсобных и 35 жилых домов для мастеров и рабочих. Первыми мастерами и рабочими были выходцы из Германии, которые приехали с директором мануфактуры из Брауншвейга. В 1804 г. здесь работало 387 человек. Во время континентальной блокады число рабочих сократилось до 180. После 1810 г. деятельность мануфактуры оживилась, в 1812 г. здесь было занято 425, в 1815 г. — 450 человек. Из рабочих часть были крестьянами мызы Выйзику, переведёнными на мануфактуру по договору с помещиком при приобретении территории предприятия. Все рабочие получали заработную плату.

За 1795—1805 гг. на предприятии производилось около 30 выпловок стекла в год. Стекло полировалось четырьмя полировальными (водяными) мельницами. Шлифовкой занимались вручную 50 шлифовщиков. На предприятии выдвельвали зеркала разной величины, часть которых продавали на месте, часть же посылали в Петербург. Стоимость продукции выражается в следующих цифрах:

1809 г.	118 тыс. рублей
1812 „	120 „ „
1814 „	60 „ „
1815 „	115 „ „
1820 „	80 „ „

Как видно, объём продукции был весьма непостоянным. Одной из причин этого являлось несоответствие выплавленного стекла возможностям его обработки, в частности полировки, и оно зачастую лежало на складах. Так, в 1814 г. на складе имелось стекла на 107 тыс. руб., то есть больше, чем стоила вся годовая продукция 1814 года. Трудности возникали также с транспортом зеркал, которые посылались в Петербург, Ригу и города других губерний. На месте продавали только малую часть товара²³.

Характерно, что Амелунг старался сосредоточить в своих руках все стекольные предприятия Эстонии. Так, в 1818 г. он арендовал основанное в 1788 г. заведение помещика Врангеля в Нурмси, на котором выдвельвалось 400 ящиков оконного стекла в год, примерно на 16 тыс. рублей. Стекло выплавляли здесь в одной печи, вторую печь употребляли для разогревания холявы, остальные шесть служили для расправки листов оконного стекла. Рабочих здесь было 20, частью крепостных, частью вольнонаёмных. При Амелунге в Нурмси начали изготовлять зеркала, которые продавали в Таллине, Пярну, Тарту и Риге. После 1824 г. арендный договор Амелунгом всё же не возобновлялся, и мануфактура перестала существовать²⁴.

В 1820 г. Амелунг приобрёл бутылочную мануфактуру И. Д. Элстера в Кяру (основана в 1813 г.), где работало 17—20 человек²⁵. В 1822 г. он основал ещё одно стекольное предприятие в Вяндре.

В предприятия Амелунга были вложены значительные капиталы, было приобретено необходимое оборудование, но работа оставалась ещё ручной и производительность труда — низкой. Было проведено широкое разделение труда. Основную массу рабочих составляли вольнонаёмные. Крепостные крестьяне использовались только на вспо-

²³ ЦГИАЛ, ф. 34, оп. 1, 1809 г., д. 4, л. 107; 1812 г., д. 8, л. 232; 1815 г., д. 16, лл. 259—261; ЦГИАТ, ф. 296, 1815 г., д. 53, лл. 3—4; ср. Fr. Amelung. Familien-nachrichten, S. 46—48.

²⁴ ЦГИАТ, ф. 30, 1804—1815 гг., д. 22, лит. С, л. 73; 1817—1825 гг., д. 22, лит. Ф, л. 27; 1824—1834 гг., д. 22, лит. Г, л. 20; ЦГИАЛ, ф. 34, 1819 г., д. 21, л. 354.

²⁵ ЦГИАТ, ф. 296, 1815 г., д. 53, л. 90; 1820—1821 гг., д. 99, л. 69.

могательных работах, в первую очередь — при заготовке топлива. Предприятие работало на широкий рынок и имело обширные торговые связи. Мы вправе считать предприятие Амелунга капиталистической мануфактурой.

Наряду с предприятиями Амелунга продолжали существовать некоторые, более мелкие заведения. Так, до 1808 г. работала основанная в 1780 г. помещичья мануфактура в Лехтсе. В 1805 г. на ней были заняты 17 вольнонаёмных и 8 крепостных и за год изготовлялось 46 тыс. бутылок и банок разной величины²⁶. Бутылки изготовлялись и на предприятии в Пайсту (переведено в 1820 г. в Ула), где работало 17—20 человек²⁷. В 1816 г. на мызе Лелле была основана ещё одна стекольная и бутылочная мануфактура. Почти все 24 человека, работавших на мануфактуре, были вольнонаёмными. Нескольких крепостных крестьян использовали только для топки печей и заготовки дров. Леллеское предприятие (единственное из стекольных) и в последующие десятилетия продолжало существовать наряду с амелунгскими.

В то время стекольная промышленность Эстонии занимала одно из первых мест в сравнении с другими губерниями России. Общее количество рабочих, занятых на стекольных предприятиях Эстонии, в 1815 г. составляло около 580 человек. По данным официальной статистики, по числу рабочих стекольного производства только Владимирская губерния превосходила (территориально значительно меньшую) Эстонию. В 1815 г. на стекольных предприятиях Владимирской губернии работало 1 298 человек, Орловской — 480 человек, Петербургской — 545 человек, Калужской — 323 человека²⁸.

Текстильная промышленность Эстонии представлена в первую очередь предприятиями, которые занимались окраской и набивкой хлопчатобумажных тканей. В 1801 г. в предместье Таллина богатый местный купец И. Овсянников основал красильную. Первоначальный капитал предприятия оценивался в 12 тыс. рублей. Работало оно большей частью по прямому заказу петербургских и таллинских купцов, снабжавших предприятие неокрашенной хлопчатобумажной тканью. Только небольшое количество материала окрашивалось на собственный риск предпринимателя и продавалось на местных рынках. Набивку делали вручную (в 1802 г. — на 14 столах). Для печатанья узоров употреблялись деревянные или полумедные дощечки, причём имелось 1 500 узоров для тканей и 300 — для головных платков. В 1803 г. было набито 3 200 аршин ситца, 2 175 аршин полуситца и 17 663 штуки головных платков. На предприятии было занято 40 вольнонаёмных рабочих, которые работали под руководством иностранных мастеров.

В 1804 г. мануфактура перешла во владение акционерной компании. Директором предприятия был основатель компании рижский купец Тиринг. Новые хозяева усовершенствовали технику и расширили производство. Впервые здесь были введены некоторые машины, а именно — ручной каландр и пресс для печатанья узоров. Как отмечал Маркс, «мануфактурный период... развивает спорадическое употребление машин...»²⁹. Даже эти ручные машины резко повысили производительность труда. В 1805 г. было набито 137 517 аршин ситца, полуситца и головных платков, причём работало 75 вольнонаёмных рабочих. Товар продавали главным образом в Петербурге, Риге и Таллине. Головные платки покупали крестьяне на местных ярмарках. Во время континентальной блокады из-за недостатка неокрашенной хлопчатобумажной ткани и красок мануфактура прекратила работу³⁰.

Вторая красильная и набойчатая мануфактура была основана бывшим цеховым мастером К. Г. Метцке. Капитал для основания предприятия был вложен десятиью таллинскими купцами. На предприятии Метцке в 1807 г. было изготовлено 2 800 штук ситцевых платков, 16 700 простых платков, набито 16 400 аршин ситца и 81 800 аршин полуситца. Большая часть товара продавалась в Петербурге. На предприятии работало

²⁶ ЦГИАТ, ф. 30, 1817—1825 гг., д. 22, лит. С, л. 30.

²⁷ ЦГИАТ, ф. 296, 1815 г., д. 53, лл. 91—93; 1820—1821 гг., д. 99, л. 66.

²⁸ См. «Статистическая ведомость о состоянии российских мануфактур за 1815—1820 гг.». Спб. 1822. Данные этой ведомости, конечно, весьма условны; сравнением статистики ведомости по Эстляндии с фактическим состоянием промышленности, установленным по ежегодным отчётам самих фабрикантов, выявляются существенные различия.

²⁹ К. Маркс. Капитал. Т. 1, стр. 355.

³⁰ ЦГИАТ, ф. 30, д. 22, лит. В; 1801—1804 гг., лл. 55—56, 57—58, 63; д. 22, лит. С, 1804—1815 гг., лл. 7—8, 11—16, 93—95.

44 человека, причём набойка производилась на 14 столах вручную. Континентальная блокада привела и это заведение к упадку; в 1808 г. оно перестало существовать³¹.

Под покровительством нового тарифа 1810 г. в бывшем помещении Тиринга Г. Родде в 1814 г. устроил красильную и набоечную, на которой работало 63 человека, из них 10 учеников и 18 мальчиков. Но конкуренция петербургских и ябургских предприятий и фритредерские тарифы 1816 и 1819 гг. привели к закрытию заведения в 1823 году³².

Красильная, основанная в 1798 г. в городе Пярну под фирмой Ф. Флери и К^о и перешедшая во владение Луксингера, продолжала изготавливать бумажные платки и ленты, которые продавались на местных ярмарках и в Петербурге. Из-за трудностей закупки сырья предприятие в 1809 г. прекратило работу. После введения тарифа 1810 г. мануфактура вновь заработала. В 1814—1815 гг. здесь выделывали, красили и набивали полотно, ситец и платки. Число рабочих в эти годы было незначительно: 14—27 человек³³. На всех этих набоечных предприятиях было введено широкое разделение труда. Имелись ткачи, набойщики, красильщики, специалисты по вырезке узоров. Широко применялся детский труд, было введено ученичество.

Суконное производство в то время представлено сравнительно большим предприятием, принадлежавшим помещику Ребиндеру. Ребиндер занимался уже с конца XVIII в. разведением овец-мериносов и продавал шерсть в Англию. Континентальная блокада пресекла эту торговлю, и у Ребиндера накопился большой запас шерсти. Он решил основать мануфактуру для выделки сукна, чему способствовал манифест 1810 года. Ребиндер построил на своей мызе Удрику соответствующие помещения и выписал из Берлина (фирма Норбс) машины — две трепальные, две кардовые и три прядильные. На его ткацких станках употреблялись летучие челноки. Предприятие Ребиндера было для того времени хорошо оборудовано машинами. В качестве рабочей силы Ребиндер занял на мануфактуре 85—90 своих крепостных крестьян под руководством иностранных мастеров. Но это обстоятельство послужило причиной последующих трудностей. Крепостных крестьян, которые работали принудительно, не удалось заставить изучить обращение с машинами. Дорогие прядильные машины стояли, так как рабочие были неопытны и, как жалуется Ребиндер, «нерадивы». Прядение производилось на старинных крестьянских прядильных колёсах. Часть ткацких станков также стояла из-за нехватки рабочих. Ясно, конечно, что машинную технику невозможно было сочетать с крепостным трудом.

На предприятии Ребиндера выделывалось в год 5 400 аршин сукна и 600 аршин кашемира. Кроме суконной мануфактуры, Ребиндер завёл ещё в имении Менникорб предприятие для выделки чулок, кружев и так называемого петинета (своего рода трико). Для этого также были выписаны машины из-за границы и вызваны три мастера-специалиста и пять швей. Кроме того Ребиндер в Таллине нанял 12 девушек, которые вышивали узоры на петинете. Сверх упомянутых Ребиндер завёл ещё маленькое предприятие для выделки табака, уксуса, рома и сальных свечей, так что всего Ребиндер использовал около 120—130 человек. Большинство рабочих было крепостными. Очень скоро выяснилось, что большие затраты на оборудование предприятий не оправдались: производительность труда осталась низкой, ожидаемых выгод не получилось. Мелкие заведения Ребиндера перестали работать уже через 3—4 года, суконное всё же просуществовало до 1823 года. К тому времени создалось новое положение в связи с освобождением крестьян³⁴.

Мало данных сохранилось о другой суконной мануфактуре, просуществовавшей в Таллине с 1813 по 1820 г., которая принадлежала купцу И. Х. Бауеру. На ней имелись также некоторые машины, но о размерах производства и даже о числе рабочих нет данных³⁵.

³¹ ЦГИАТ, ф. 30, д. 22, лит. В, 1801—1804 гг. л. 62; лит. С, 1804—1815 гг., лл. 79—83, 182.

³² ЦГИАТ, ф. 30, д. 22, лит. С, 1804—1815 гг., л. 269; лит. Ф, 1817—1825 гг., лл. 91, 112; ЦГИАЛ, ф. 34, оп. 1, д. 21, 1819 г., лл. 356—357.

³³ ЦГИАТ, ф. 296, 1820—1821 гг., д. 99, лл. 78—79; ЦГИАЛ, ф. 34, оп. 1, д. 2, 1803—1809 гг., лл. 106—107, д. 16, 1815 г., лл. 241—242.

³⁴ ЦГИАТ, ф. 30, 1817—1825 гг., д. 22, лит. Ф, лл. 7, 16, 50, 57; 1804—1815 гг. л. 22, лит. С, лл. 146, 187, 217, 289; ЦГИАЛ, ф. 16, 1810 г., д. 537.

³⁵ ЦГИАТ, ф. 30, 1804—1815 гг., д. 22, лит. С, л. 206; 1817—1825 гг., д. 22, лит. Ф, л. 36.

Как видим, текстильная промышленность Эстонии в начале XIX в. была невелика и неустойчива. Не хватало рабочих, и сбыт товара не всегда был удачен. Но всё же как раз на текстильных предприятиях появлялись первые машины, и их изделия начали посылать во всё большем количестве в соседние губернии.

Другие отрасли производства представлены были только единичными предприятиями. Так, в Ряпина продолжала работать писчебумажная мануфактура помещика Левенвольде. На ней было занято 50 крепостных русских крестьян, и она была сравнительно хорошо оборудована. Здесь имелись (в 1815 г.) два каландра, семь прессов и необходимое количество ступ, котлов и чанов. На предприятии выделялось девять сортов папки и простой бумаги, в частности, обёрточной и макулатурной. Тряпичное сырьё добывалось в Лифляндской, Эстляндской и Поковской губерниях, остальное сырьё (клей и пр.) покупали в Риге, Пскове, Тарту и Петербурге, где бывали также и продукцию³⁶.

В 1811 г. богатый таллинский купец Клеменц основал сахарную рафинерию. Клеменц выстроил в предместье города большое каменное пятиэтажное здание, несколько мастерских, сараи, жилые дома для мастеров и рабочих и пр. Весь этот комплекс зданий был снабжён водопроводом. На предприятии занимались переработкой сахара-сырца, который привозился из Германии и Англии, в рафинад и мелис (мягкий рафинад). В Англии покупался также каменный уголь, который мануфактура Клеменца начала употреблять первой в Эстонии. В 1813—1814 гг. на предприятии было выварено 12 тыс. пуд. рафинада, 15 тыс. пуд. мелиса и 6 500 пуд. патоки. В 1812 г. здесь работало 79 вольнонаёмных, из них 15 мастеров-специалистов. Фритредерские тарифы 1816 и 1819 гг. вызвали большие затруднения, так что мануфактура на несколько лет почти прекратила работу³⁷.

Из предприятий, которые можно назвать мануфактурными, в Эстонии существовали ещё изразцовое производство, основанное купцом И. Луниным в 1781 г., на котором работало 30 человек вольнонаёмных рабочих и где изготовлялось около 40 тыс. черепиц и 50 узорчатых печей в год³⁸; два кирпичных и черепичных предприятия в Таллине, табачная Бурота, в Тарту мебельная и рамочная — Барникеля. Общее количество предприятий, на которых число рабочих превышало 16 чел., в Эстонии составляло в первой четверти века 20.

Кроме этих более или менее крупных мануфактур, возникает примерно столько же мелких мастерских капиталистического типа, которые уже выходили из рамок цехового ремесла. Было основано несколько кожевенных, четыре химических (изготавливавших краски и уксус), четыре табачных, три шляпных, два канатных и пр. предприятий. Число рабочих в них колебалось от 5 до 15, они основывались обыкновенно купцами и представляли собой мастерские, которые не успевали вырасти в настоящую мануфактуру. Они существенно отличались от цеховых мастерских. На их оборудование затрачивался некоторый капитал, они работали на свободный рынок, нанимали вольнонаёмных рабочих, и даже на самых мелких из них можно наблюдать разделение труда. В отличие от цеховых мастерских хозяева сами обычно на этих предприятиях не работали, а имели надзирателей или мастеров.

Такое положение В. И. Ленин считает типичным для мануфактурного периода: «Мы встречаем всегда на данной ступени развития капитализма весьма значительное количество мелких заведений; численно эти последние обыкновенно даже преобладают, играя однако совершенно подчиненную роль в общей сумме производства. Это сохранение (и даже, как мы видели выше, развитие) мелких заведений при мануфактуре есть явление вполне естественное. При ручном производстве крупные заведения не имеют решительного преимущества перед мелкими... Поэтому типичным для капиталистической мануфактуры является именно небольшое число сравнительно крупных заведений наряду с значительным числом мелких»³⁹.

³⁶ ЦГИАТ, ф. 296, 1815 г., д. 53, лл. 46—47; 1820—1821 гг., д. 90, лл. 22—23; 1823 г., д. 62, лл. 70—71; ЦГИАЛ, ф. 34, оп. 1, 1815 г., д. 16, лл. 229—230.

³⁷ ЦГИАТ, ф. 30, 1804—1815 гг., д. 22, лит. С, лл. 195, 234, 270, 292; 1817—1825 гг., д. 22, лит. Ф, л. 104.

³⁸ ЦГИАТ, ф. 296, 1815 г., д. 53, лл. 12—13.

³⁹ В. И. Ленин. Соч. Т. 3, стр. 383—384.

Из двадцати мануфактурных предприятий Эстонии только на двух число рабочих составляло 100 и более человек (группа ребиндеровских предприятий и мануфактура Амелунга); от 50 до 100 рабочих было на четырёх мануфактурах, остальные все были более мелкие. Значительная часть всех предприятий просуществовала очень недолго — от 1 года до 5 лет.

Г о д ы	Число мануфактур и капиталистических мастерских в Эстонии	
	мануфактуры с числом рабочих более 16	мастерские с числом рабочих от 5 до 15
1800	10	9
1805	11	10
1809	6	9
1810	8	13
1812	11	11
1814	14	8
1815	13	10
1819	12	11

Как видно из таблицы, время континентальной блокады было неблагоприятно для здешней промышленности: пять мануфактур прекратили существование, некоторые были закрыты временно. Новый подъём промышленного строительства начался в 1810 г., когда Россия фактически отказалась от континентальной блокады и ввела покровительственный тариф, причём манифестом от 19 декабря 1810 г. были установлены некоторые льготы для основателей новых фабрик и заводов. В 1810—1816 гг. в Эстонии было вновь открыто 9 мануфактур и 10 мастерских. Фритредерские тарифы 1816 и 1819 гг. пагубно повлияли на здешнюю промышленность. Часть предприятий сразу закрылась, другие переживали упадок и не могли уже оправиться.

Общее число рабочих, занятых ежегодно на мануфактурах, было совсем незначительно, как видно из следующей таблицы:

Г о д ы	Число рабочих на мануфактурах Эстонии ⁴⁰		
	вольнонаёмных	крепостных	всего
1804	712	71	783
1809	375	15	390
1815	695	146	841

Кроме того на мелких предприятиях работало ежегодно около 50—70 рабочих. Как видно из этих данных, в крупной промышленности Эстонии в первой четверти XIX в. полностью преобладал вольнонаёмный труд. Исключительно крепостной рабочей силой пользовались только два крупных предприятия: Ряпинская писчебумажная и Ребиндеровская суконная мануфактуры.

Наёмные рабочие обычно вербовались из беднейших жителей города и русских оброчных крестьян. Местные крестьяне в Прибалтике редко отпускались на промыслы, так как помещикам было выгоднее держать крестьян на барщине.

Таким образом в Эстонии в начале XIX в. соотношение вольнонаёмного и крепостного труда было таким же, как и в наиболее передовых районах империи, однако по объёму промышленного производства Эстония в первой четверти века представляла собой одну из промышленно мало развитых окраин.

Из общего числа мануфактур большая часть (12) принадлежала купцам, 1 — городу Таллину, 7 — помещикам. Казённых мануфактур на территории Эстонии не было. По числу занятых рабочих купеческие предприятия занимали ещё более пре-

⁴⁰ Таблица составлена по цитированным выше материалам.

обладающее место. Так, в 1815 г. из общего числа рабочих (841) на купеческих мануфактурах работало 620 человек, на городской — 30, на помещичьих — 201.

Как известно, типичной чертой мануфактуры является разделение труда. Это мы видим и на мануфактурах Эстонии. В ежегодных отчётах упомянуты специалисты-мастера, которые выполняли детальные операции. Специализация в отдельных частях производственного процесса наблюдается не только в больших предприятиях (стекольных, суконных, красильных и пр.), но даже и в таком малом заведении, как «шляпная фабрика» пастора Форсмана, на которой работало от 5 до 8 рабочих. Почти во всех мануфактурах и мастерских имеются подмастерья и ученики, которые обучаются работе. В. И. Ленин указывал, что «естественным спутником мануфактуры является ученичество. Известно, что в общей обстановке товарного хозяйства и капитализма это явление ведет к самым худшим видам личной зависимости и эксплуатации»⁴¹.

Что касается техники производства, то она оставалась за всё описываемое время ручной. Улучшений в технике производства за первую четверть XIX в. почти не наблюдается. Всё же на некоторых мануфактурах уже при их основании были приобретены машины (суконная Ребиндера, красильная Родде), которые приводились в действие ручной силой. Это спорадическое появление первых машин не изменяло характера предприятий, тем более что как раз дорогие машины в существовавших условиях не оправдали себя. На недостаточное общественное разделение труда указывает тот факт, что на некоторых предприятиях изготовлялись и орудия производства (на стекольной мануфактуре Амелунга, на сахарной Клеменца, в таллинских красильных).

Характерной чертой мануфактуры является связь с рынком. «Мануфактура работает на крупный рынок, иногда — на всю нацию...»⁴² Цеховые мастера городов Эстонии работали почти исключительно на местный, ограниченный рынок, сбывая свои изделия известному кругу потребителей. Являясь привилегированными хозяевами местного рынка, мастера и купцы старались сохранить своё господство, ревниво охраняя средневековые формы промышленной и торговой деятельности. Возникшая мануфактура с самого начала разбивает эту замкнутость. Ни одна крупная мануфактура не могла существовать, ограничиваясь только рынком своей губернии, так как круг потребителей промышленных изделий был здесь ничтожен. Крепостной крестьянин почти ничего не покупал, да и помещики часть своих потребностей удовлетворяли за счёт работы крепостных. Число же горожан в начале XIX в. было незначительно. Поэтому все более или менее крупные мануфактуры старались завести торговые связи не только в городах Прибалтики, но и в Пскове, в соседних губерниях, а главным образом в Петербурге. Там закупали часть сырья, там сбывали товар. Зеркальная мануфактура Амелунга, таллинские красильни, ряпинская писчебумажная и другие имели тесную связь с Петербургом. Несмотря на современную организационную форму, объём мануфактурного производства и число рабочих, занятых на мануфактурах Эстонии, были весьма малы, так как суровые формы крепостничества препятствовали развитию капиталистической промышленности. Наряду с мануфактурой продолжали существовать цеховое ремесло в городах и работа крестьян-кустарей в деревне. Как указывал К. Маркс, «мануфактура не была в состоянии ни охватить общественное производство во всем его объеме, ни преобразовать его до самого корня. Она выделялась как архитектурное украшение на экономическом здании, широким основанием которого было городское ремесло и сельские побочные промыслы»⁴³.

Во второй четверти XIX в. в Прибалтике произошёл большой общественный сдвиг. Крестьяне были освобождены от крепостной зависимости.

Однако законы 1816 и 1819 гг. явились лишь очень небольшим шагом по пути к капитализму. Составленные и осуществлённые крепостниками «новые положения» сохранили много элементов феодализма. Поскольку крестьян «освободили» без земли,

⁴¹ В. И. Ленин. Соч. Т. 3, стр. 374.

⁴² Там же, стр. 478.

⁴³ К. Маркс. Капитал. Т. I, стр. 376. Госполитиздат. 1949.

переселение в город зависело от воли помещика, а выбор неземледельческих профессий был вообще запрещён, то крестьяне были принуждены арендовать свои прежние наделы на кабальных условиях, продиктованных помещиками. Обычно полностью сохранялась барщина. Над крестьянами осталась судебная и полицейская власть помещика, право так называемого «домашнего наказания», сохранялась возможность внеэкономического принуждения. Таким образом, реформа только подорвала феодальный способ производства, но не уничтожила его. Поэтому и в пореформенный период капиталистический уклад развивался весьма медленно.

Новые законы всё же несколько расширили возможности капиталистического развития. Помещики начали переходить к более интенсивным способам ведения хозяйства. Увеличилось производство картофеля, клевера и льна, разведение овец-мериносов, вместо трёхполья был введён новый оборот посева, улучшены сельскохозяйственные орудия. Но все эти попытки рационализации ограничивались сохранением подневольного труда, барщины. В крестьянские хозяйства элементы капитализма проникали ещё медленнее. Несколько увеличилась товарность хозяйства, заметно усилилась дифференциация крестьян. Более зажиточные хозяева-арендаторы связывались с рынком и, усиленно эксплуатируя батраков и бобылей, накопляли некоторые капиталы. Особенно начали выделяться мельники, корчмари, торговцы. Большая же масса крестьян, которых ограбили реформой, обнищала, а часть полностью разорилась.

Разорённая и обезземеленная беднота старалась вырваться из деревни. Примерно с 30-х годов можно наблюдать некоторый прилив деревенского населения в города. Это положило начало образованию рынка свободной рабочей силы. Рост городов и дифференциация крестьянства содействовали расширению внутреннего рынка, что отмечается, между прочим, ростом числа и оборотов ярмарок. Развитие во второй четверти XIX в. промышленности и торговли в общероссийском масштабе, со своей стороны, способствовало преодолению феодальной замкнутости Прибалтики и втягивало здешний край в экономическое общение с другими частями государства. Все эти перемены создали более благоприятные условия для развития капиталистической промышленности Эстонии, чему содействовала также экономическая политика правительства, которое в 1822 г. возвратилось к протекционистским таможенным тарифам. Под защитой новых тарифов, в условиях, создавшихся после освобождения крестьян, в Эстонии во второй четверти века начался новый этап развития крупной капиталистической промышленности. Некоторые мануфактуры ожили, наряду с этим началось промышленное строительство. Но вновь основываемые предприятия существенно отличались от прежних. Почти все они строились уже на базе новой машинной техники, и на них вскоре появился паровой двигатель. Так, вместо мануфактуры создаётся фабрика. Возникшая фабрика быстро вытесняет мануфактуру и в середине века приходит к полному господству. Совершается промышленный переворот.

Это развитие можно проследить по отдельным отраслям производства. Если в мануфактурный период в Эстонии сколько-нибудь серьёзного внимания заслуживало только стекольное производство, то теперь на первое место выступило текстильное. Основаны были первые крупные суконные фабрики. Самая ранняя из них принадлежала Г. Шварцу. Шварц прибыл в Россию в 1816 г. и завёл при помощи казённой ссуды в Петербурге фабрику для изготовления офицерского сукна. В 1822 г. фабрика сгорела; в том же самом году Шварц основал новое предприятие в Нарве, получив заём от нарвского купца Крамера. На острове реки Наровы были построены новые здания и приобретены машины — 7 чесальных, 11 прядильных, 15 стригальных и пр. Ткацких станков было 40. Машины приводились в действие конной силой и водяным колесом; в 1826 г. был приобретён гидравлический пресс. В 1827 г. предприятие опять сгорело.

Получив высокую сумму страховки, Шварц вновь отстроил здания, приобрёл новые, более усовершенствованные машины и установил в 1827 г. первый в Эстонии паровой двигатель в 8 лошадиных сил. Ввиду того, что предприятие два раза горело, владельца подозревали в поджоге, хотя расследование не смогло установить поджога. На фабрике Шварца в 1828 г. работали 272 человека. Часть рабочих — иностранцы, часть — русские оброчные крестьяне. Местных, эстонских рабочих ещё не было, поскольку в начале 20-х годов освобождение крестьян только начало осуществляться.

В 1828 г. на фабрике выдвельвалось 36 287 аршин сукна. Производительность труда была здесь ещё низка: на одного рабочего приходилось 140 аршин годовой выработки. Это всё же значительно больше, чем, например, на прежней крепостной мануфактуре Ребиндера. Там на долю одного рабочего приходилось только около 60 аршин сукна в год. Через несколько лет Шварц с помощью хитрых махинаций передал всё имущество и оборудование фабрики, которое было приобретено на казённую ссуду, своему сообщнику Крамеру, а сам уехал за границу, так и не уплатив долга (400 тыс. руб. асс.) казне. Фабрика перестала работать в 1831 году⁴⁴. В лице Шварца мы имеем пример проникновения в промышленность России хищнического иностранного капитала, который не останавливается перед поджогами и обманами.

Другая большая суконная фабрика принадлежала купцу П. Момма. Она была основана в 1819 г. в Ямбургском уезде. В 1821 г. Момма арендовал часть мызы Гринберга у нарвского водопада, выстроил помещения, приобрёл машины. В 1823—1824 гг. у него было 20 ткацких станков, в 1829 г. — 30. Рабочих в 1829 г. было 133 человека, а в год изготовлялось 30 тыс. аршин сукна и 1 800 байковых одеял. По описанию, предприятие находилось в 1831 г. в цветущем состоянии и качество изделий считалось превосходным⁴⁵.

В 1836 г. предприятие Момма перешло в руки акционерного общества, членами которого были, кроме него самого, между прочим, министр иностранных дел Нессельроде и начальник III отделения Бенкендорф. Общество называлось Нарвской мануфактурной компанией, и первоначальный капитал равнялся 1 миллиону рублей. Предполагалось выдвельвать простые сорта сукна для вывоза в Китай. Предприятие не дало ожидаемых прибылей. В течение девяти лет оно потеряло весь свой складочный капитал и даже займы, предоставленные акционерами. Повидимому, оборудование предприятия (оно оставалось мануфактурой) успело к тому времени устареть и не обеспечивало достаточной продукции. В 1845 г. оно было продано известному банкиру А. Штиглицу, который его полностью перестроил, приобрёл новые машины и паровой двигатель. На фабрике стало работать около 700 человек, и она продолжала действовать⁴⁶.

Большая суконная фабрика была основана в 1831 г. на острове Хиумаа помещиками Э. и К. Унгери-Штернбергами, которые нажили значительные капиталы, снабжая русские войска продовольствием во время кампании 1814—1815 годов. Для фабрики были построены обширные помещения и приобретено значительное количество машин. С самого начала был установлен паровой двигатель в 30 лошадиных сил. В течение последовавших лет предприятие постепенно расширялось. Приобретались новые машины, росло число ткацких станков. В 1831 г. их имелось 16, в 1836 г. — 44, в 1841 г. — 80. Рост предприятия можно проследить по следующей таблице:

Г о д ы	Число рабочих	Выработано сукна (в аршинах)	Стоимость производства (в руб. ассигн.)
1831—1832	210	12 506	150 072
1837—1838	361	30 427	523 119
1841—1842	443	56 542	289 517
1845—1846	456	60 056	218 325
1848—1849	932	31 500	136 000

Как видим, фабрика в 30—40-е годы переживала быстрый подъём, но промышленный кризис 1848 г. вызвал резкое сокращение производства.

Фабрика перерабатывала в основном шерсть собственной овчарни Унгери-Штернберга. Часть шерсти закупали в других губерниях. Изделия фабрики считались высококачественными. Здесь изготовлялось простое сукно, драп и несколько сортов

⁴⁴ ЦГИАТ, ф. 30, 1817—1825 гг., л. 22, лит. Ф, лл. 63—69, 78—79, 80—81; 1826—1834 гг., л. 22, лит. Г, лл. 36—43, 113—117.

⁴⁵ См. «Журнал мануфактур и торговли» № 1 за 1831 г., стр. 63.

⁴⁶ См. «Журнал мануфактур и торговли», ч. 3, стр. 49—50. СПб. 1845; ср. А. Петров. Город Нарва, стр. 431—440. СПб. 1901; ЦГИАЛ, ф. 18, оп. 3, 1820 г., л. 513; H Hansen. Geschichte der Stadt Narva, S. 331, 355, 358. Dorpat. 1856.

тонкой шерстяной материи (кашемир и пр.), которые неоднократно получали высокую оценку на общероссийских промышленных выставках⁴⁷. Краски и прочие нужные материалы закупались большей частью в Петербурге. Товар сбывался в Петербурге, Москве, Кременчуге, где у Унгери-Штериберга были свои комиссионеры, а также в городах Эстляндии и Лифляндии. Рабочими на фабрике были почти исключительно местные крестьяне. На предприятии ощущался всё же острый недостаток в рабочей силе. Из-за недостатка рабочих даже не удалось пустить в ход часть приобретённых машин. В Кярдла усиленно эксплуатировались женщины и дети⁴⁸.

Самым крупным предприятием в Эстонии во второй четверти XIX в. была основанная в 1834 г. в Синди суконная фабрика Вермана. Фабрика эта существовала до 1831 г. в Польше, но после польского восстания по настоянию правительства была переведена в Лифляндию, где Верману предоставили казённое имение Синди, причём Верман вступил в компанию с финским купцом Лемке и гамбургским — Ретеном. Строительство и оборудование предприятия стоили 1599 тыс. руб. ассигнованиями. В 1837 г. на фабрике были установлены два паровых двигателя в 90 лошадиных сил.

Фабрика быстро расширялась, как видно из следующей таблицы:

Г о д ы	Число ткацких станков	Число рабочих	Стоимость производства (в руб. сер.)
1836	90	728	—
1841	110	1 000	400 000
1845	125	1 044	650 000
1848	150	1 321	700 000

На фабрике изготавливались четырнадцать сортов сукон и шерстяной материи хорошего качества. На общероссийских промышленных выставках они привлекали большое внимание и считались наряду с польскими одними из самых лучших. Фабрика имела обширные торговые связи и продавала свои изделия по всей России. Сырьё закупалось частично на месте и в других губерниях, а частично за границей. Краски и прочие материалы приобретались в Петербурге и в Риге. В Риге, на собственном заводе Вермана, были построены и паровые котлы.

Рабочие были в большинстве местные крестьяне, которые совсем оторвались от сельского хозяйства. Вокруг фабрики образовался небольшой посёлок⁴⁹. В 1839 г. была основана ещё одна суконная фабрика — в Тарту — местным купцом Шраммом. На фабрике имелся паровой котёл в 26 лошадиных сил. Здесь работало 180 человек. В год изготавливалось сукна примерно на 60 тыс. руб. серебром⁵⁰.

Кроме вышеописанных суконных фабрик, в Эстонии существовали ещё суконные мануфактуры: Меттке — в Тарту, основанная в 1837 г., с числом рабочих 40 (данные 1848 г.), Штрёма — в Пярну, основанная в 1843 г., в 1847 г. имела 39 рабочих (прекратила работу в 1849 г.), Нюссера — в Нарве, работавшая с 1825 по 1828 г., с числом рабочих 85—110, и Буксхевдена — в Сааремаа. Предприятия эти существовали недолго, производительность труда на них была низкой. Так, на предприятии Нюссера имелись 23 ткацких станка, 5 прядильных и 10 стригальных машин, которые приводились в движение двумя водяными колёсами. В 1827 г. здесь работало 110 человек и выработывалось 7500 аршин сукна. На предприятии работало значительное количество женщин и детей⁵¹.

⁴⁷ См. «Журнал мануфактур и торговли», ч. I, стр. 340. 1844; «Мануфактурные и горнозаводские известия» № 7 за 1839 г., прибавление.

⁴⁸ ЦГИАТ, ф. 30, 1826—1835 гг., д. 22, лит. Г, лл. 167—168, 197, 181, 221—223, 247, 271, 307—308, 331, 345—346; ф. 30, 1835—1846 гг., д. 3319, лл. 36—37, 43—44, 59—60, 120—121, 170—172, 215, 277—278, 357—358, 437—439; ф. 30, 1847—1849 гг., д. 3320, лл. 56—57, 98—99.

⁴⁹ ЦГИАТ, ф. Рижский мануфактурный комитет 1843 г., д. 6, лл. 5—6; 1845 г., д. 9, лл. 25—26; 1847 г., д. 18, лл. 1—3, 7; 1847 г., д. 20, лл. 1—3, 7—8; ф. 296, 1844 г., д. 296, лл. 36—37; см. «Журнал мануфактур и торговли», ч. II, 1838 г., стр. 207—209; ч. I, 1841 г., стр. 445—451; ч. I, 1843 г., стр. 163; ч. I, 1844 г., стр. 340, ч. I, 1850 г., стр. 117; см. «Мануфактурные и горнозаводские известия» № 7 за 1839 г., прибавление.

⁵⁰ См. «Журнал мануфактур и торговли», ч. I, 1844 г., стр. 303, 340; ч. I, 1850 г., стр. 50.

⁵¹ ЦГИАТ, ф. 30, 1826—1835 гг., д. 22, лит. Г, л. 123.

Итак, в Эстонии во второй четверти XIX в. преимущественно российским капиталом была создана крупная суконная промышленность, базировавшаяся на машинной технике и имевшая общегосударственное значение. В 40-х годах, например, в «Журнале мануфактур и торговли» неоднократно отмечалось высококачественное суконное производство Прибалтики, частые технические усовершенствования, производимые на здешних фабриках, и пр. В отличие от положения, существовавшего в этой отрасли производства по всей России, в Прибалтике как раз суконная промышленность становится передовой и уже с 1830-х годов работает исключительно на вольнонаёмном труде.

К текстильному производству относятся также набивка и раскраска тканей. Эта отрасль была представлена одной крупной фабрикой и несколькими мелкими мануфактурами. В 1830 г. в Нарве братья Борнгаузену основали так называемую «ситцевую фабрику», хорошо оборудованную. Здесь с самого начала имелись каландр-пресс и машина для печатанья узоров, которая приводилась в движение конной силой. В 1843 г. был приобретён паровой котёл. Фабрика занималась набивкой и окраской миткаля, коленкора и ситца, которые закупались в Петербурге. В 1845 г. на предприятии было раскрашено и набито 4 тыс. кусков материала (на 40 тыс. рублей). Рабочих на фабрике было 100, из них около 60 женщин и детей. Фабрика Борнгаузенов нашла для своих изделий широкий рынок в Петербурге и Москве и работала с успехом, быстро совершенствуясь и расширяясь⁵².

Иной оказалась судьба красильных предприятий местных купцов Г. Кроуга (основано в 1827 г.) и Г. Эггерса (основано в 1833 г.), которые просуществовали только несколько лет. Предприятия эти остались при ручном производстве и испытывали недостаток в рабочей силе. Даже очень незначительную продукцию не удавалось продать в Прибалтике, а завоевать прочный рынок в Петербурге или в Москве Кроуг и Эггерс не сумели.

Значительные перемены произошли в стекольной промышленности. Существовавшие в начале века мелкие предприятия почти все перестали работать, так как из-за отсутствия капитала не смогли усовершенствовать свою технику и выдержать конкуренцию Амелунга. Наряду с тремя предприятиями Амелунга сохранилась только леллеская бутылочная, которая несколько расширилась, но изготовляла низкокачественный товар, шедший только на местный рынок.

Предприятия Амелунга были во второй четверти века основательно улучшены: в 1830 г. были приобретены две новые полировочные мельницы, в 1831 г. ручную шлифовку стекла заменили 15 шлифовочных машин, в 1841—1845 гг. вместо старых полировочных мельниц были введены новые конструкции и через некоторое время приобретены паровые машины. Улучшение техники было необходимо, чтобы выдержать конкуренцию вновь основанных стекольных и зеркальных фабрик в Москве, Петербурге и в Финляндии, куда Амелунг направлял большую часть своей продукции.

В 1847 г. на зеркальном заводе Амелунга работал 381 человек и изготовлялось товара на 132 340 руб.; на стекольном работало 30 человек, изготовлявших оконного стекла на 8 108 руб., на бутылочном — 27 человек, стоимость продукции составляла 9 425 рублей. Поскольку транспорт стекольных изделий вызывал большие трудности, Амелунг в 1830-х годах приобрёл речные суда, на которых стал пересылать товар с фабрики, находившейся у озера Виртсъярв, в Тарту. В 1842 г. Амелунг завёл в Тарту пароходное сообщение. Впоследствии рейсы удлинились до Пскова.

Амелунг был крупным капиталистом. Он имел обширные торговые связи, посылал, например, свои товары (специальные маленькие зеркала) в Китай, в Южную Америку и пр. На его предприятии царил жестокая эксплуатация рабочих: уже в начале XIX в. были установлены полицейские правила для рабочих и устроен специальный фабричный суд. Рабочих беспощадно наказывали за малейшее проявление «непокорности»⁵³.

Представленная немногими предприятиями, писчебумажная промышленность име-

⁵² ЦГИАТ, ф. 30. 1824—1835 гг., д. 22, лит. Г, лл. 251—252, 299—300, 351—352, 362—363; 1835—1846 гг., лл. 83—84, 127—128, 163—164, 192—195, 363—364, 420—421.

⁵³ ЦГИАТ. Рижский мануфактурный комитет, д. 6, 1843 г., лл. 9—10; д. 11, 1846—1847 гг., лл. 14—15; д. 20, 1847 г., лл. 1—3, 7—8; д. 24, 1850 г., л. 1; ф. 1806, 1843 г., лл. 48, 51, 265, 285.

ла всё же важное значение и во всероссийском масштабе, где эта отрасль производства в первой половине XIX в. была слабо развита.

Недолго, с 1820 по 1825 г., просуществовала мануфактура купца П. Печаткина в Нарве. На ней в 1823 г. работало 42 человека, которые изготовили 4 138 стопок обёрточной бумаги и 15 тыс. листов политуры. Предприятие, сгоревшее в 1825 г., не было восстановлено⁵⁴. Ряпинская мануфактура несколько увеличилась. В 1845 г. здесь работало 123 человека, но при отсталой технике (паровой двигатель ещё не применялся) производительность труда оставалась низкой. Стоимость годовой продукции в 1845 г. равнялась 18 700 рублям.

Крупная писчебумажная фабрика была основана в 1837 г. в Таллине, на участке, где уже в XVII в. стояла писчебумажная мельница. В 1824 г. участок этот был куплен Ф. Вистингхаузенем, директором казённой писчебумажной фабрики в Петергофе, на которой впервые в России началось изготовление бумаги по усовершенствованному методу. Вистингхаузен систематически грабил петергофскую фабрику и на приобретённый капитал построил себе частное предприятие в Таллине. К этому времени выяснились злоупотребления в Петергофе, и на имущество Вистингхаузена был наложен секвестр. Его таллинское предприятие так и не успело начать работу. В 1836 г. участок с постройками был продан бывшему директору ряпинской мануфактуры И. В. Донату. Донат окончательно отстроил фабрику, приобрёл машины, паровой двигатель в 36 лошадиных сил и в 1839 г. начал работу.

На его предприятии выделялось 10—14 сортов разной бумаги, картона и папки. Специальностью фабрики было изготовление просмоленной папки для крыш. Следующая таблица показывает объём производства фабрики Доната:

Г о д ы	Стоимость производства (в руб.)	Число рабочих
1839	32 575	105
1842	49 030	122
1844	57 070	103
1845	30 850	102
1847	38 049	102
1848	28 241	102

На фабрике усиленно эксплуатировался труд женщин и детей. Здесь в 1845 г. работало наряду с мужчинами 25 женщин и 30 детей.

Наблюдаемая на фабрике Доната борьба рабочих была ещё борьбой одиночек, направленной против притеснений и кабальных условий работы на предприятии.

Изделия фабрики были хорошего качества и находили в первые годы широкий сбыт. Кроме Прибалтики они продавались в Псковской и Новгородской губерниях и в Финляндии. Завоевать петербургский рынок предприятию не удалось. Так же неудачной оказалась попытка экспорта изделий фабрики за границу.

Уже в 1845 г. возникли большие трудности. Во-первых, конфликт с городскими властями Таллина, которые препятствовали снабжению фабрики Доната водой из озера Юлемисте, бывшего в ведении города. Производство кровельной папки было сокращено, так как её начали выделять и другие предприятия. В конце 40-х годов сбыт товара затруднился, и после смерти Доната в 1851 г. фабрика перешла в руки владельца маленькой бумажной мельницы в Клога, Верревсона, собственное предприятие которого было основано в 1846 году⁵⁵.

Сравнительно развита была в Эстонии химическая промышленность, которая также была создана на капиталы, которые проникли сюда из Петербурга. На здешних предприятиях выделяли уксус, различные краски, ярь-медянку и свинцовый сахар. Наиболее крупные из этих предприятий принадлежали петербургским купцам Гердау и Людерту и находились вблизи Нарвы. На них постоянно улучшалась техника произ-

⁵⁴ ЦГИАЛ, ф. 34, оп. 1, 1823 г., д. 28, лл. 147, 166.

⁵⁵ ЦГИАТ, ф. 30, 1835—1846 гг., д. 3319, лл. 207—208, 233—234, 279—282, 323—324, 456—457, 490—491; 1847—1849 гг., лл. 24—25, 84—85.

водства, вводились новые приёмы работы. У Гердау в 1831 г. и у Люддerta в 1843 г. были заведены паровые котлы.

О состоянии предприятия Гердау говорят следующие данные:

Г о д ы	В Ы Р А Б О Т А Н О				
	уксуса (в оксехтах)	свинцового сахара (в пудах)	красок (в пудах)	стоимость производства (в рублях)	число рабочих
1841—1842	2 500	10 000	800	100 000	27
1842—1843	5 000	10 000	880	101 000	23
1845—1846	4 000	8 000	1 350	79 400	25

Сырьё закупалось на месте, в Петербурге и в Москве, где успешно сбывалась и вся продукция. Пожар 1844 г. временно уменьшил производство, но фабрика быстро оправилась⁵⁶.

Кроме названных существовали ещё два химических предприятия: Эггерса в Таллине и Якоби в Пярну. Они работали на местный рынок и просуществовали недолго.

Из предприятий, на которых полностью сохранился ручной труд, отметим спичечную мануфактуру таллинского купца Эггерса. На ней в 1845 г. работало 111 человек, из них свыше 80 — дети. Стоимость производства в отмеченном году равнялась 20 тыс. рублей. Мануфактура Эггерса одной из первых в России начала изготавливать серные спички. Они нашли сразу широкий сбыт и продавались во многих губерниях и городах. Другая спичечная мануфактура, Мореншильда, просуществовала только несколько лет.

Интересно отметить, что в 1842 г. в Таллине было основано хорошо оборудованное предприятие Галлбек-Мейера, которое начало изготавливать сельскохозяйственные орудия. Этот факт свидетельствует о сдвигах в сельскохозяйственной технике. Примерно до 40—50-х годов в Прибалтике крестьяне обрабатывали поля инвентарём, изготовленным ими самими или деревенскими кузнецами. Возникновение фабричного типа предприятий, производивших улучшенные сохи, бороны и пр., является показателем начала преодоления рутинной сельскохозяйственной техники феодального периода.

Следовательно, во второй четверти XIX в. в промышленности Эстонии произошли важные перемены: переход от мануфактуры к фабрике. Этот процесс происходил в следующей последовательности. 1820-е годы характеризуются закрытием многих прежних мануфактур. Так, только за пять лет (1825—1830) прекратили существование 11 предприятий. В то же самое время возникали новые заводы, которые существенно отличались от мануфактур начала века. Характерной чертой почти всех вновь основываемых предприятий является наличие на них рабочих машин, которые вначале приводились в действие водой или лошадьми. Это было прогрессом в области энергетического оборудования предприятия⁵⁷. Но, как известно, машина требует паровой силы, и конные или водяные приводы вскоре были заменены паровыми двигателями. Как уже было отмечено, первая паровая машина в Эстонии была установлена на суконной фабрике Шварца в Нарве в 1827 году. Старые мануфактуры, которые продолжали существовать, большей частью технически перестраивались.

Следующее десятилетие (1830-е годы) отмечено строительством нескольких новых крупных фабрик (Вермана — в 1834 г., Доната — в 1838 г., Жуссона — в 1838 г.). Кроме того на всех крупных предприятиях в то время происходил последовательный и быстрый технический прогресс. Зачастую вводились новые приспособления, были приобретены машины, которые улучшали качество и количество продукции (на фабриках Борнгаузена, Гердау, Унгерн-Штернберга, Амелунга), использовались достижения науки (Эггерс, Люддерт и пр.). Как отмечал В. И. Ленин, в тех отраслях промышленности, которые подчинила себе фабрика, мы видим полный технический

⁵⁶ ЦГИАТ, ф. 30, д. 3319, 1835—1846 гг., д. 3320, 1847—1849 гг. Отчёты Гердау-Готхилфа, Люддerta, Эггерса. Оксехфт — мера в 240 литров.

⁵⁷ См. М. Золотников. От мануфактуры к фабрике. «Вопросы истории» № 11—12 за 1946 г., стр. 46—47.

переворот и чрезвычайно быстрый прогресс способов производства. «Только крупная машинная индустрия вносит радикальную перемену, выбрасывает за борт ручное искусство, преобразует производство на новых, рациональных началах, систематически применяет к производству данные науки»⁵⁸.

В 40-х годах XIX в. фабрика в Эстонии окончательно завоевала господствующее положение. К тому времени преобладавшая часть крупных промышленных предприятий превратилась в фабрики, которые были снабжены паровыми двигателями. А как отмечал В. И. Ленин, «применение паровых двигателей к производству является одним из наиболее характерных признаков крупной машинной индустрии»⁵⁹.

Состояние промышленности (мануфактурной и фабричной) в Эстонии в 1847—1848 гг. видно из следующих двух таблиц:

Предприятия без парового двигателя⁶⁰

Наименование мануфактуры, владелец, местонахождение	Стоимость производства (в руб. сер.)	Число рабочих
Суконная, Штрём, Пярну	13 950	39
„ Мецке, Тарту	13 500	20
Бутылочная, Амелунг, Вяндра	8 345	28
Оконного стекла, Амелунг, Вяндра	4 492	30
Бутылочная, Пилар, Лелле	5 951	21
Изразцовая, Луниин, Тарту	3 900	20
Табачная, Тепфер, Тарту	20 226	47
Железообрабатывающая, Галибек, Таллин	7 703	26
Кожевенная, Павлов, Таллин	15 900	19
Спичечная, Эггерс, Таллин	19 000	111
Химическая, Якоби, Пярну	12 675	15
Писчебумажная, Рихтер, Ряпина	19 700	123
„ Верревсон, Таллин-Кюла	1 876	19
Итого	147 223	518

Предприятия, имеющие паровую машину или паровой котёл⁶¹

Наименование фабрики, владелец, местонахождение	Стоимость продукции (в руб. сер.)	Число рабочих
Суконная, Унгерн-Штерибург, Хию-Кярдла	176 600	412
„ Верман, Лембке, Ретген, Сниди	660 000	1 300
Шрам-Шульц, Тарту	80 000	185
„ Штиглиц, Нарва (за 1850 г.)	1 000 000	700 ⁶²
Набойчатая, Борнгаузен, Нарва	34 000	104
Химическая, Гердау, Нарва	79 400	25
„ Дюддерт, Нарва	57 000	27
„ Эггерс, Таллин	51 000	27
Зеркальная, Амелунг, Рыйка-Мелески	132 320	381
Писчебумажная, Донат, Таллин	38 049	101
Механическая лесопильная, Жуссон, Нарва	25 370	25
Итого	2 333 819	3 288

⁵⁸ В. И. Ленин. Соч. Т. 3, стр. 477.

⁵⁹ Там же, стр. 443.

⁶⁰ Следует отметить, что на некоторых из выше перечисленных предприятий применялись машины, но не был введён паровый двигатель. Рабочие машины имелись на предприятиях Штрёма, Мецке, Тепфера и Рихтера, которые уже нельзя причислить к типичной мануфактуре.

⁶¹ На фабриках Люддerta и Борнгаузена механизация была неполной, у Борнгаузена продолжали отчасти использовать конную силу.

⁶² Поскольку отчёты фабрики Штиглица не сохранились в архивах, данные взяты из указанной работы А. Петрова, стр. 431—440, и H. Sepp, O. Liiv, I. Vasar. Указ. соч., стр. 495.

Как видно из приведённых данных, фабрика уже полностью преобладала над мануфактурой. Предприятия, работавшие при помощи паровой силы, сосредоточили большую часть рабочих, занятых в крупной промышленности, и выпускали почти всю промышленную продукцию. Из всего числа рабочих на паровых фабриках было занято 80,3%, на мануфактурных предприятиях — 19,7%, а из общей стоимости производства на долю фабрик приходилось 94,1%, на долю мануфактур — 5,9%. Из этого можно сделать несомненный вывод, что технический переворот в промышленности Эстонии совершился к 40-м годам XIX века.

Имеются налицо и другие признаки, присущие крупной машинной индустрии. Так, например, можно установить начавшуюся концентрацию производства. За указанное время число крупных предприятий возросло в 2,5 раза — с 9 в 1819 г. до 24 в 1845 году. Число же рабочих увеличилось с 1815 г. (841) по 1847 г. в 4,5 раза. Кроме того изменились размеры предприятий. В 1815 г. существовало только два предприятия с числом рабочих более 100, то есть 12,5% из общего числа всех мануфактур. В 1847 г. из 34 предприятий 9, то есть 26,6%, имели более 100 рабочих. Эти крупные фабрики сосредоточивали 89,5% общего числа рабочих. На семи из этих самых крупных предприятий имелся паровой двигатель. «Применение паровых двигателей тесно связано с расширением размеров производства, с расширением кооперации в производстве»⁶³.

Типичным для крупной машинной промышленности является усиление эксплуатации. «Все мрачные стороны капитализма как бы концентрируются вместе: машина дает, как известно, громадный импульс к безмерному удлинению рабочего дня; в производство вовлекаются женщины и дети...»⁶⁴. Эти явления наблюдались и в Эстонии. На фабриках Унгерн-Штернберга, Вермана, Доната, Амелунга и других была введена ночная смена, чтобы дорогие машины не простаивали. Усиливалась эксплуатация женщин и детей, особенно на текстильных, писчебумажных и спичечных фабриках.

Жестокая эксплуатация вызвала острую классовую борьбу. Вначале это борьба рабочих-одиночек (на фабрике Доната и пр.). Уже в первых выступлениях ведущая роль принадлежала русским рабочим. Борьба рабочих приняла в 30-е годы настолько широкие размеры, что на фабриках были созданы правила внутреннего распорядка, которые должны были дать хозяину «законное» право штрафовать и наказывать рабочих. На фабрике Амелунга в 1835 г. специальным судебным и полицейским уставом были запрещены ссоры рабочих, требования повышения заработной платы, предусмотрены штрафы за «упорство» и «непослушание» рабочих. В 1843 г. этот устав был переработан и дополнен Рижским мануфактурным комитетом и временно введён во всей Прибалтике⁶⁵.

Характерной чертой капиталистической промышленности является расширение рыночных связей. Всё больше фабрик Эстонии втягивалось в общерусский рынок. Суконные, набочные, химические фабриканты покупали в Петербурге и Москве часть сырья. Свой товар они продавали по всей России: делались попытки экспорта промышленных изделий. Крупная машинная индустрия в Эстонии могла возникнуть только в условиях тесной связи с общероссийским рынком. Только те крупные предприятия, которые сумели завоевать прочное место на рынках вне Прибалтики, могли рассчитывать на успех.

Для развития фабрики в Эстонии важное значение имели не только русские рынки, но и русские капиталы, которым принадлежала решающая роль в создании здешней крупной машинной промышленности. Известную роль сыграли иностранцы, которые впоследствии натурализовались в России (Борнгаузен, Амелунг, Момма). Интересно отметить, что предприятия прибалтийско-немецких купцов были более мелкими и обыкновенно недолговечными.

На достаточно высокий уровень развития капиталистической промышленности указывает и то обстоятельство, что фабрики начинали остро ощущать промышленные

⁶³ В. И. Ленин. Соч. Т. 3, стр. 447.

⁶⁴ Там же, стр. 478.

⁶⁵ Детальное рассмотрение вопросов о рабочей силе и о классовой борьбе рабочих требует специального изложения и не укладывается в рамки настоящей статьи.

кризисы⁶⁶. В Эстонии кризис 1847—1848 гг. захватил суконные, ситце-набивные, писчебумажные и химические фабрики, на которых резко упало производство.

Может возникнуть вопрос, почему в Эстонии фабрика приходит к господству уже к середине века, тогда как по всей России об этом можно говорить примерно с 1880-х годов. Как отмечено В. К. Яцунским, победа фабрики над мануфактурой не происходит одновременно ни во всех отраслях производства, ни во всех частях империи. Одно из первых мест по времени в победе фабрики занимает Петербург. Поскольку фабричная промышленность Эстонии создавалась в основном капиталами, которые шли сюда непосредственно из Петербурга и для обслуживания в первую очередь близкого столичного рынка, предприятия в Эстонии строились на основе существовавшей в Петербурге передовой в то время техники. Таким образом, мы вправе утверждать, что Россия активно сыграла прогрессивную роль в экономическом развитии Прибалтики.

Мы проследили важный этап в развитии промышленности Эстонии: переход от мануфактуры к фабрике, который в основном произошёл во второй четверти XIX века. Техника крупного промышленного производства и её организационные формы стали к середине XIX в., несомненно, капиталистическими, и промышленный переворот нельзя ещё считать совершившимся. Несмотря на победу фабрики, роль промышленности в экономике страны была ещё очень мала. Общее число рабочих составляло ничтожную часть населения, размер годовой продукции был невелик, а темпы развития промышленности за четверть века были даже ниже средних темпов по всей России. Главная причина этого кроется в сохранении полуфеодального способа производства в сельском хозяйстве Эстонии и крепостного строя во всей России. Развитию капиталистической промышленности препятствовала и политика балтийско-немецкого бюргерства и дворянства, которые старались сохранить свою обособленность, свои экономические и политические привилегии и монополии, сохранить полуфеодальную деревню.

Крупная машинная индустрия требовала условий труда и рынков, которые отсутствовали при натуральной базе хозяйства. Поэтому победа фабрики над мануфактурой неизбежно должна была ускорить разложение и ликвидацию феодально-помещичьего уклада, существование которого серьёзно препятствовало развитию уже назревших новых производительных сил. Переход от мануфактуры к фабрике знаменует не только полный технический переворот, но «за этим техническим переворотом неизбежно идет самая крутая ломка общественных отношений производства...»⁶⁷. Это подтверждается на примере Эстонии. Здесь победа фабрики совпала с острым кризисом полуфеодального сельского хозяйства. Обострившиеся противоречия в деревне вызвали ожесточённую борьбу крестьян, которая в 40-х годах приняла широкий размах. Под давлением всех этих обстоятельств правительство должно было пойти на уступки. В 1849 г. в Лифляндии и в 1856 г. в Эстляндии были утверждены новые крестьянские положения, которые создали возможность более быстрого развития капитализма в последующие десятилетия. Требования победившей капиталистической фабрики, несомненно, оказали своё влияние на проведение этих реформ. И только в условиях, созданных этими положениями, в связи с развитием капитализма в России, после 1861 г. завершаются в Эстонии те социальные сдвиги, которые приводят к перестройке общества и заканчивают промышленный переворот.

⁶⁶ См. С. Струмилин. Промышленные кризисы в России. «Проблемы экономики» № 5 за 1939 г., стр. 129.

⁶⁷ В. И. Ленин. Соч. Т. 3, стр. 397.